

Волосы цвета пшеницы

Она появилась внезапно, как луч позднего осеннего солнца, пробившийся сквозь облака. Я шёл по скверу, утопая в хрустящем ковре из листьев – алых, медных, лимонных. Воздух пах дымом, влажной землёй и яблоками. И был полон света – того особого, прощального, золотого света, что бывает только в октябре.

А потом я увидел её. На той стороне узкой дороги, что огибала сквер. Она шла неспешно, и её волосы – гладкие, идеально прямые, невероятно золотые – казались порождением этого самого осеннего дня. Они не были просто светлыми; они были именно золотыми.

Она была худощава, почти хрупка, в простом сером пальто, из-под которого виднелись тёмные джинсы. Лет четырнадцати, не больше. И в её профиле, в высоко поднятом подбородке, была какая-то удивительная, почти неземная красота. Не детская, но ещё и не взрослая. Красота момента перехода, как и сама осень – уже не лето, но ещё не зима.

Она остановилась. Повернулась. И посмотрела на старый двухэтажный дом с полукруглыми балконами, что стоял напротив. Взгляд её был таким сосредоточенным и глубоким, будто она вырезала образ этого места из памяти, чтобы унести с собой. Свет падал на её лицо, и мне показалось, я вижу тень какого-то чувства – то ли грусти, то ли нежности.

Я замер, боясь пошелохнуться, боясь спугнуть этот живой портрет. Сердце забило с нелепой, щемящей силой. Мысль ударила нагло и ясно: «Я хочу, чтобы она была со мной. Чтобы мы шли сейчас вместе по этой аллее, шурша листьями, чтобы я мог говорить с ней о чём-то важном и неважном, чтобы её золотые волосы были рядом».

В тот миг мир сузился до размеров картины: золотая девушка у края дороги, старый дом с облупившейся штукатуркой, арка из пламенеющих клёнов и я, невидимый зритель из тени сквера. Казалось, ещё мгновение – и я сделаю шаг, окликну её, и эта хрупкая нить возможностей превратится в общую судьбу.

Но я не сделал шаг. А она, закончив свой безмолвный диалог с домом, обернулась и пошла дальше, скрываясь за поворотом. Её золотые волосы мелькнули в последний раз и растворились в осеннем мареве.

Я так и не узнал её имени. Не услышал её голоса. Не узнал, почему она смотрела на тот дом с такой тихой печалью. Может, она там жила когда-то? Может, прощалась с кем-то? Или, как и я, просто ловила мгновение прекрасного увядания?

Судьба, эта великая и равнодушная художница, набросала наш с ней портрет углём на одном листе, а потом разорвала его пополам. Её половину унесло ветром в неизвестном направлении. Моя осталась со мной – здесь, в сквере, где клёны с каждым годом горят так же ярко, а воздух по-прежнему пахнет дымом и яблоками.

И иногда, в особенно золотые и тихие октябрьские дни, мне кажется, что я вижу её отражение в луже, слышу отголосок её шагов в шорохе листьев. Призрак возможности, которая так и не стала реальностью. Самая красивая девочка той осени, навсегда оставшаяся прекрасной незнакомкой с золотыми гладкими волосами, повернувшейся, чтобы посмотреть на чей-то дом.

<https://megaskaz.ru/>